

РАЗДЕЛ VIII

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. К. Леденцова (Екатеринбург)

История открытия музея Д. Н. Мамина-Сибиряка: проблема датировки

В 2016 г. «Объединенный музей писателей Урала» праздновал семидесятилетие. Точкой отсчета своей истории музей традиционно считает 1 мая 1946 г., когда была открыта для публики первая экспозиция мемориального дома Д. Н. Мамина-Сибиряка в Свердловске [4, с. 34].

Казалось бы, поводов для научного поиска нет: дата открытия экспозиции установлена и несомненна, какие есть основания для сомнений в датировке? Между тем, если вдуматься, причин для сомнений несколько.

Во-первых, условность даты 1 мая 1946 г. понимают сами сотрудники музея. Любую статью или экскурсию, посвященную истории создания Литературного квартала, музейные работники начинают с оговорки о «долгих хлопотах о музее» в начале XX в. [4, с. 16], о предпосылках к его созданию в 1920-е гг., включая фразы вроде: «реальная история музея началась в 1940 г.», «его открытию помешала Великая Отечественная война» [3, с. 254–255]. Таким образом, даже научный коллектив музея не уверен в точности даты создания музея и вынужден обосновывать принятую датировку долгими рассуждениями.

Во-вторых, с точки зрения документальных свидетельств, дата 1 мая 1946 г. выглядит довольно сомнительной. В научном архиве Объединенного музея писателей Урала находится Приказ, касающийся музея им. Мамина-Сибиряка от 1 мая 1946 г. «Об объявлении благодарности в открытии музея сотрудникам», в то время как никаких решений органов власти об открытии экспозиции именно в этот день нет. Однако имеется несколько иных более ранних и более «юридически обоснованных»

документальных свидетельств о сборе материалов и устройстве маминских выставок в Свердловске. Существует завещание Е. Д. Маминой (дочери писателя, *Алёнушки*) от 17 августа 1914 г. о передаче в собственность городу Екатеринбургскому дома № 27 по ул. Пушкинской с просьбой «устроить в нем музей Д. Н. Мамина-Сибиряка» [5, л. 1]. В архиве Объединенного музея писателей Урала хранится акт передачи личных вещей и библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка его вдовой Ольгой Францевной Гувале в 1915 г. в музей УОЛЕ в Екатеринбурге. Документы научного архива музея свидетельствуют, что зимой 1926 г. при Уральском областном государственном музее (бывший музей УОЛЕ, будущий Свердловский областной краеведческий музей) организуется Историко-литературная комиссия, которая в декабре того же года открывает выставку «Памяти художника-бытописателя Урала Д. Н. Мамина-Сибиряка». На выставке были представлены личные вещи писателя, его рукописи, книги, фотографии, поздравительные юбилейные адреса, ленты и венки с могилы [2, с. 125]. Следующим свидетельством существования музея до 1946 г. могут служить документы органов советской власти, хранящиеся в архиве Объединенного музея писателей Урала, например: Постановление № 2877 Свердловского областного исполкома от 4 декабря 1935 г. «Об организации в Свердловске областного музея литературы»; Решение № 308 Свердловского обл. исполкома от 8 марта 1940 г. «Об открытии литературного музея Мамина-Сибиряка»; Решение № 370 Сталинского районного исполкома от 12 октября 1945 г. «Об освобождении помещения музея Мамина-Сибиряка». Кроме того, существует переписка директора музея Мамина-Сибиряка Адриана Афанасьевича Пьянкова со Свердловским областным отделом народного образования, датированная 1930-ми и началом 1940-х гг. Таким образом, на сегодняшний день мы имеем целый ряд документально подтвержденных фактов, фиксирующих процесс создания музея Д. Н. Мамина-Сибиряка, каждый из которых может быть обоснован и принят за точку отсчета истории музея.

В-третьих, если принять за год основания музея Д. Н. Мамина-Сибиряка 1946-й, следует поставить вопрос об особенном пути создания музея, его несоответствии общей канве развития музейной сети на Урале и общей истории музейного строительства в СССР. Данный тезис необходимо пояснить. Возникновение литературной комиссии по увековечиванию памяти местного писателя при региональном музее в середине 1920-х гг. – совершенно универсальное явление для истории советских музеев. Общеизвестно, что в 1920-е гг. молодое советское государство было охвачено мощным краеведческим движением. «Золотым веком»

краеведения в исторической литературе принято считать 1920-е гг. [9, с. 11]. В это время практически все грамотные люди: учителя, врачи, учащиеся, местная интеллигенция – были охвачены единым порывом изучения своей «малой родины», своего края. Практически в каждом населенном пункте страны стихийно без руководства партийной верхушки создаются краеведческие общества, которые обследуют брошенные дома, усадьбы, храмы и весь собранный материал аккумулируют в местном музее. Краеведением в это время на Урале занимаются все: издаются сборники краеведческих конференций, имеется периодическое издание «Уральское краеведение», готовится к печати «Уральская энциклопедия». К концу 1920-х гг. власть, видимо, опасаясь любой общественной самостоятельности, начинает наступление на краеведение, что заканчивается полным его разгромом к 1930 г. и репрессиями наиболее выдающихся краеведов. Таким образом, возникновение кружка по изучению и популяризации регионального писателя, каким всегда мыслился Д. Н. Мамин-Сибиряк, в 1920-е гг. на волне краеведческого движения логично и обосновано, и, возможно, только разгром краеведческого движения не позволил получить дом по ул. Пушкинской для открытия музейной экспозиции.

Краеведческое движение 1920-х гг. дало стране огромное количество краеведческих музеев. Музеи эти, безусловно, были совершенно разного уровня. Некоторые, такие, например, как Нижнетагильский музей, смогли собрать обширную и уникальную коллекцию, но многие музеи превратились в «лавку старьевщика», не имели никакой бюджетной поддержки и демонстрировали слишком низкий профессиональный уровень. Для периода 1930-х гг., помимо процесса политизации музеев, была характерна также тенденция государственного упорядочивания музейной сети. Слабые краеведческие музеи закрывались, однако повсеместно открывались музеи других профилей: художественные, научные, мемориальные и литературные. Так в Свердловске были организованы Антирелигиозный музей (1933), Картинная галерея (1936), Геологический музей (1937), музей Я. М. Свердлова (1939). Поскольку крупными коллекциями обладали исключительно краеведческие музеи, новые музеи создавались на основе их коллекций. Так была выделена художественная коллекция из Свердловского областного музея для отдельной картинной галереи; Антирелигиозный музей получил церковные вещи от многих краеведческих музеев области (например, мощи Симеона Верхотурского из Нижнетагильского музея); геологический музей был создан на базе минералогической коллекции Горного института; музей Я. М. Свердлова был задуман как филиал музея революции. В эту историческую логику появления

профильных музеев на базе накопленного краеведческого материала прекрасно вписывается создание литературного музея Д. Н. Мамина-Сибиряка на основе коллекции краеведческого музея. Также понятной и логичной становится подготовка и издание сборника воспоминаний о Мамине-Сибиряке под редакцией З. А. Ерошкиной, научного сотрудника Свердловского областного краеведческого музея [1]. С точки зрения событий, происходивших в культурном поле 1930-х гг. (особенно следует отметить возникновение в 1934 г. Государственного литературного музея в Москве), появление постановления об открытии литературного музея в Свердловске становится закономерным и обоснованным. Оно соответствует культурной политике 1930-х гг. Действительно, Свердловск до середины 1930-х гг. мыслился как центр всего «Большого Урала», а наличие «Областного литературного музея уральских писателей» придавало региональному центру черты «столичности».

Если же мы обратимся к истории музейного дела в послевоенный период, то увидим совершенно противоположную ситуацию. В это время региональные музеи находятся в состоянии затяжного послевоенного восстановления. Музеев, организованных в послевоенное десятилетие, насчитываются единицы по всей стране. В послевоенное десятилетие музеи открывались после консервации, но новые, как правило, не создавались, поскольку открытие музея в советское время требовало дополнительных бюджетных трат, что просто было невозможно в стране, находившейся на грани голода. Более того, в 1946 г. все музеи страны были выведены из подчинения Отделов образования и переданы в подчинение Отделов культуры (позже – Министерства культуры), а, как известно, в период изменения подчиненности нововведения не приветствуются. Таким образом, отнесение даты открытия музея и к 1925 г., и к 1935-му, и даже к 1940-му выглядит более обоснованным, нежели к 1946 г.

Далее может возникнуть вопрос: а так ли важно, что брать за точку отсчета в истории музея: момент появления коллекции? факт открытия экспозиции для посетителей? или наличие музейного здания? На первый взгляд, вопрос кажется праздным и не заслуживающим внимания. Однако та или иная точка зрения зависит от нашего понимания музея как социального явления. Действительно, если музей для нас – это, прежде всего, открытая для посещения экспозиция, тогда на первый план выходит экспозиционная функция музея. В таком случае, если экспозиция музея становится недоступной широкой публике, значит и музейная деятельность прерывается. Если же музей понимать, прежде всего, как коллекцию, тогда следует говорить об охранной и научной роли музея. И в таком

случае, музей жив, пока жива его коллекция, пока ведется ее собирание, изучение и комплектование. Если же музей мыслится исключительно как здание, вне зависимости от того, собирается ли коллекция, ведется ли выставочная работа, – тогда музей для нас всего лишь архитектурный или мемориальный памятник.

Обратимся к опыту российских музеев: как они решали для себя этот вопрос. Исследователи истории Кунсткамеры довольно тщательно рассматривали вопрос о дате основания музея. В целом, на сегодняшний день точкой отсчета истории Российского музея антропологии и этнографии принято считать 1714 г., когда из Москвы в Петербург были перевезены личное собрание коллекций и библиотека Петра I, а также книги и коллекция по естественной истории Аптекарской канцелярии. В 1714 г. Кунсткамера не являлась учреждением, не принимала посетителей, не имела отдельного здания. В это время Кунсткамера имела только коллекцию и понимание того, каким образом эта коллекция будет развиваться.

Такой же принцип положен в обоснование хронологии возникновения Эрмитажа. В 1764 г. Екатерина приобрела коллекцию западноевропейской живописи, собранную берлинским купцом И. Э. Гоцковским. Именно этот год считается научным коллективом музея моментом рождения Эрмитажа, поскольку уже тогда, за 90 лет до открытия экспозиции (1852), были заложены основы комплектования коллекции, поддерживаемые и сегодня.

Днем основания Государственного исторического музея считается 9 февраля 1872 г., когда было получено «высочайшее соизволение» императора на устройство музея. Земля под строительство здания на Красной площади была получена через 2 года, музей распахнул двери для посетителей через 11 лет – в 1883 г.

Свердловский областной краеведческий музей ведет свою историю с момента основания Уральского общества любителей естествознания – 29 декабря 1870 г. (для публики музей открылся через 18 лет – в 1888 г.) [7, с. 4]. В качестве аргумента в пользу такой датировки музей приводит факт неразрывной связи, которая всегда существовала между УОЛЕ и музеем, воспринявшим и до сих пор транслирующим краеведческую концепцию изучения региона, несмотря на то, что музей УОЛЕ бесконечно часто менял свои локации, то прирастая зданиями, то лишаясь их.

Краеведческий музей Нижнего Тагила годом своего основания считает 1840 г., когда П. Н. Демидов распорядился основать «Музеум естественной истории и древностей» в лабораторном флигеле заводууправления [8, с. 9]. Дальнейшая история бытования этого музея туманна, известно лишь,

что коллекция музея служила практическим целям специалистов завода и лично А. Н. Демидова. В 1891 г. был учрежден музей «Нижнетагильских и Луньевских заводов» с целью показать продукцию демидовских предприятий и служить корпоративным целям горнозаводской империи Демидовых. Этот музей просуществовал до 1908 г., когда владельцы перестали выделять средства на его содержание и музей был закрыт, а его коллекция была отправлена на переплавку, либо помещена на склады. В 1924 г. в Нижнем Тагиле краеведческим обществом создается новый музей, который ставит перед собой широкие краеведческие задачи. Вероятнее всего, демидовский музей все-таки носил узковедомственный характер и не выходил в своей деятельности за рамки заводского корпоративного музея. Созданный же в 1924 г. музей Нижнего Тагила ставил перед собой совсем иные задачи: формирование комплексной коллекции по истории и природе края, т. е. краеведению. Несмотря на это, музейный коллектив, основываясь исключительно на использовании в документации завода слова «Музеум» и наличии некоторых экспонатов из него в современном собрании, относит год основания Нижнетагильского музея в далекий 1840 г.

Иначе – и, на наш взгляд, слабо обоснованно – трактует дату своего основания Музей истории Екатеринбурга. Опираясь на публикацию в газете «Уральский рабочий» от 3 июня 1940 г. «Открытие Дома-музея Я. М. Свердлова», коллектив музея связывает рождение своего учреждения именно с этой датой [6, с. 23]. Хотя тут же приводит данные о решении Совнаркома РСФСР об открытии музея Я. М. Свердлова в 1939 г. как филиала музея революции. Непонятным остается, почему коллектив музея не связывает начало своей истории с моментом возникновения в 1927 г. в Свердловске музея революции. Кажется, основания для этого есть достаточные. Во-первых, музей Свердлова, хоть и пережил музей революции, но был образован как его филиал и имел единое руководство, подчинение и структуру. Во-вторых, музей Свердлова создавался в русле той же революционной концепции, какой следовал и музей революции. И при этом, когда в 1995 г. концепция музея круто поменялась (от показа истории революционных событий перешли к сбору материалов по истории Екатеринбурга), осознания, что один музей прекратил свое существование, а другой возник, у коллектива музея не случилось. По всей видимости, музей истории Екатеринбурга определяющим фактором своего существования полагает факт наличия музейного здания и размещения в нем доступной для посетителей экспозиции. Подобная трактовка функций музея хотя и вызывает споры, безусловно, имеет право на существование.

Таким образом, мы видим некоторое разнообразие подходов в понимании критериев хронологии возникновения музеев. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является подход, который можно назвать «комплексным»: дата образования музея – это документально подтвержденный факт возникновения коллекции, собираемой по определенной концепции, которая впоследствии перерастает в публично доступную экспозицию, вне зависимости от источника финансирования и места размещения (здания). Этот подход учитывает две важнейшие социальные функции музея – собирать и показывать, не ставя его в зависимость от владельцев коллекций или учредителей, а также организационных переименований и зданий.

С этой точки зрения, наиболее адекватной датой основания Объединенного музей писателей Урала следует считать 1935 г., документально подтверждая эту дату Постановлением № 2877 Свердловского областного исполкома от 4 декабря 1935 г. «Об организации в Свердловске областного музея литературы». Именно этот документ является наиболее ранним свидетельством возникновения музея и прекрасно вписывается в общую канву музейного строительства на Урале.

Кроме того, документ 1935 г. помогает снять еще один вопрос. Дело в том, что в ходе празднования юбилея музея прозвучали мнения, что Объединенный музей писателей Урала возник в 1980 г., когда два мемориальных музея – Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова были объединены в одно целое. 70 лет, таким образом, в 2016 г. исполнилось только музею Мамина-Сибиряка. Постановление 1935 г. четко указывает, что организуется «музей литературы» им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Это решение стало воплощаться в жизнь уже в годы Великой Отечественной войны, когда музей проводил лекции-беседы к юбилейным датам русских писателей, таких как М. Ю. Лермонтов и В. Г. Короленко. Первая экспозиция музея, как и все последующие, помимо мемориальной коллекции Мамина-Сибиряка представляла творчество П. П. Бажова и других уральских писателей.

Заканчивая рассуждения о дате организации Объединенного музея писателей Урала, хочется еще раз подчеркнуть важность проблемы датировки. От обоснования даты рождения музея зависит формулирование, осознание и принятие коллективом музея собственной миссии. Кто мы как музей? Коллекция предметов по истории уральской литературы? Или выставочный зал? Или мемориальное здание? Какова наша миссия? Документировать развитие уральской литературы? Или показывать то, что накоплено? Или только сохранять здание в его нетронутой мемориальности?

Список литературы

1. Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке / сост. З. А. Ерошкина. Свердловск : Свердловгиз, 1936. 216 с.
2. Выставки при третьей Уральской областной музейно-краеведческой конференции // Уральское краеведение. 1927. № 1.
3. Екатеринбург литературный : энцикл. слов. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. 448 с.
4. Лукьянин В. П. Никулина М. П. Литературный квартал. Екатеринбург : Сократ, 2008. 307 с.
5. Мамина Е. Д. Завещание // РГАЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 266.
6. Музей истории Екатеринбурга. Екатеринбург : Автограф, 2010. 119 с.
7. Свердловский областной краеведческий музей. Коллекции. Екатеринбург : Квадрат, 2016. 111 с.
8. Хранители исторического наследия : статьи и воспоминания сотрудников Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Екатеринбург : Баско, 2013. 489 с.
9. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : краеведч. альм. М. : Профиздат, 1990. Вып. 1. С. 11–27.

А. Н. Савичева (Екатеринбург)

Возникновение на Урале профессии «маркшейдер»: к истории одного дома в «Литературном квартале» (Пролетарская, 16)

У каждого дома-музея, расположенного в «Литературном квартале» Объединенного музея писателей Урала, своя уникальная и интересная судьба. Дом, в котором сейчас располагается Музей кукол и детской книги (ул. Пролетарская, 16), в XIX в. принадлежал Алексею Черепанову – маркшейдеру с Березовского рудника. Именно рассказу об истории профессии «маркшейдер» мы и решили посвятить данное сообщение, увязав, таким образом, судьбу конкретного дома, являющегося в настоящее время музейным пространством, с повествованием о «настоящем» уральском, горном, деле – маркшейдерском.